

ЧТО ВСПОМИНАЕТСЯ... (Л. Я. ХИНЧИН, А. Н. СОХОР)

Одним из главных богатств людей является уважение учеников к своим Учителям. Так было ещё во времена прогулок Аристотеля со своими питомцами в Ликее, пригороде Афин. Так, надеюсь, сохранилось и в наши дни.

Не скрою, долго, весьма долго из лет обучения я чаще вспоминал «юные забавы».

Но чем дальше – тем больше владеет памятью уважительная благодарность к моим Учителям.

...О ЛИЕ ЯКОВЛЕВНЕ ХИНЧИН

До переезда в Ростов, а это произошло в 1966 году, вскоре после открытия Ростовского государственного музыкально-педагогического института, Лия Яковлевна Хинчин работала в консерваториях Новосибирска, Саратова, Киева... Везде у неё были свои музыковедческие привязанности, своеобразные, нестандартные учебные курсы.

Уже позднее из её рассказов я узнал о детстве на Украине, первых шагах в музыке, учёбе в Киевской консерватории. С особым интересом, прямо сказать, с благоговением слушал о её встречах с академиком Борисом Владимировичем Асафьевым.

А её ростовскую жизнь я видел уже собственными глазами.

Она была не просто заметным человеком в музыкальной жизни и самого вуза, и всего города. Педагог, заведующая кафедрой, авторитетный член Ростовской организации Союза композиторов, активный участник городской концертной жизни – даже просто «по обязанности» она была в постоянной гуще дел. При этом она просто не умела отделять «рабочее» от «не-рабочего». Ну не заложено в ней было такого, и всё. К ней постоянно шли за советом, за помощью, шли многие – и я, конечно, в их числе. Её появление в здании института вызывало водоворот движения к ней, с вопросами, с профессиональными заботами, да и не профессиональными тоже.

Мне кажется, что самым трудным для неё в последние годы жизни, когда ей очень серьёзно нездоровилось, было вынужденное отключение от этих непрерывных хлопот. В ней словно

сломался внутренний стержень. Может быть, а скорее всего непременно, и это усугубило её тяжёлые болезни.

Вот чего у неё не было, так это хрестоматийного глянца. Как-то установилось, широко распространилось стереотипное суждение, что простой человек – уж обязательно хороший человек. Полезный – это точно. А если сложный – плохо?

Лия Яковлевна была нестандартным человеком. Можно было потеряться, стараясь предугадать её реакцию на то либо иное слово, мысль, событие. С ней можно было соглашаться или не соглашаться, можно было спорить. И споры нередко выходили острые, разговор мог получиться трудным. Но бесполезным он не был никогда. Сейчас я понимаю это яснее, чем понимал в те студенческие годы.

И больше всего её помнят ученики. При всём разнообразии плодотворных дел Лии Яковлевны, убеждён, что по самой природе своей, по складу натуры она была учителем, наставником.

Вырастить музыковеда – сложнейшее дело, тут мало напитать информацией, оснастить навыками. Нужно ещё развить чутьё, профессиональное и человеческое. Научить, как не терять живое ощущение музыки при её теоретическом анализе. Вне этого музыкознание превращается в пустое нагромождение схем и словес. На таком пути нет постоянных рецептов, не бывает постоянных удач.

Тем весомее плоды многолетних усилий Лии Яковлевны Хинчин, у которой было много, много учеников. Любой, кто прошёл класс профессора Л. Я. Хинчин, помнит его по-своему. Случалось, что и грозы полыхали в этом классе тоже. Она никого не оставляла равнодушным. Стоит ли удивляться, что её невозможно забыть!

Впоследствии, уже после совместного с Л. Я. Хинчин вузовского диплома, из учеников вырастали доктора и кандидаты наук, преподаватели консерваторий, училищ и лекторы-популяризаторы. Из её класса вышли десятки исследователей, педагогов, пропагандистов. Их имена представлены в научных сборниках, в учебных расписаниях колледжей и вузов, на концертных афишах в городе, в стране, да и, встречается, в зарубежных странах.

Уже немало выросло и учеников её бывших учеников... Не это ли определяется весомым понятием «школа»?

Как-то, ещё в былые студенческие годы, я спросил, сколь же всего у неё училось, в числовом, так сказать, выражении? Ответила она не без яда: «Реестров не веду». И действительно не вела, были ситуации, когда б этом стоило бы пожалеть. Но она их просто помнила, всех, как часть своей судьбы, да и часть самой себя.

Мне везло на учителей. Свой вузовский диплом я писал у Лии Яковлевны Хинчин.

Что же касается пресловутых «реестров», то вести их всё-таки необходимо, теперь уже нам. И не только из уважения, вполне присущего всем людям. Не только потому, что забвению не подлежат ни сам человек, ни сделанное некогда им. Ещё и по иной причине: всё, что мы помним о Л. Я. Хинчин, – это наш рабочий арсенал. Именно всё – и ошибки, которые становятся для нас предостережением, и успехи, их ведь больше, они будут теперь маяками. Жизнь продолжается в учениках – не может быть, что это лишь красивые слова.

После Л. Я. Хинчин осталось наследие научное, методическое, просто человеческое. Оно не должно пылиться в шкафах, оно должно работать. Сделать это – наш долг. А долги следует отдавать.

Но не хотелось бы вспоминать о ней лишь в благополучно-приглаженной тональности. Человеком она была вовсе не пресным, а очень даже живым и органичным. Порой даже бывало... Ох, было, было!

Моя наставница являлась в консерватории фигурой более чем заметной.

Она твёрдой рукой правила кафедрой, обличала беспорядки и начальство, её побаивались студенты. А если она принималась пробирать кого-то из педагогов, ей и в голову не приходило снижать резкий пронзительный голос.

Была она худа, в движениях стремительна, в посадке головы что-то львиное. Коротко стриженные седые волосы при поворотах головы взлетали, а когда опадали вниз, то становились на вид такими же каменно-жесткими, как и вечно сжатые губы.

А маленький Димочка, сын одной из начинающих тогда преподавательниц, был жаден к впечатлениям и уж, конечно, по семейному своему окружению, наслышан о консерваторских знаменитостях. Только одно дело слышать, другое – наблюдать воочию.

Держа маму за руку, Димочка идёт по консерваторскому коридору. И видит, что некая, явно не безопасная тётя воспитывает подвнувшегося штрафника. Голос её легко перекры-

вает постоянный шум в коридоре, заполняет пространство, а когда ноты его особенно высоки – под потолком звякают светильники.

Мама тянет Димочку в сторону, от греха подальше. Но тот упирается. Как же, столь яркой сцены он ещё не видывал! Всё пояснения и предупреждения вылетели из головы.

Он заворожён сверканьем молний. Мысль его мощно работает. Наконец, со сладким ужасом, в предчувствии открытий, он спрашивает во весь свой звонкий голосок:

– Мама! Это и есть – настоящая Баба-Яга?!

Я бы не взялся определить своё отношение к Лие Яковлевне Хинчин одним словом.

В студенческие годы, о чём мне уже доводилось высказываться, «...смотрел на неё снизу вверх и почти боготворил. Но и тогда отношения безоблачными не были; она умела разжигать ярые инстинкты. Или, сказать по-научному, полемический задор.

Помню, закончив диплом двумя месяцами раньше установленного срока, сей счастливый факт я от своей наставницы скрыл. Остаток уже тёплых южных дней я провёл на пляже, в блаженной неге и истоме. Объясняя своё отсутствие в классе, ясное дело, срочными научными изысканиями.

Ещё помню чёрное для меня время, когда тайное стало явным. Помню, но никому не скажу.

Потом я работал на одной с ней кафедре, под её руководством и рядом с ней. Это тоже было не просто – и это было интересно. На первых порах я обливался холодным потом перед каждой лекцией – она ободряла меня, не забывая поддеть при этом по поводу не мужской явно трусости. Школила тоже она – и безо всяких скидок на цветущую молодость.

Ещё она очень любила завиральные идеи. Любила выслушивать, но ещё больше комментировать. Она уничтожала. Зажигала. Обнадёживала. Ругала и доводила. О-ох, всяко было...

Так вот, помогала она всегда сама, не ожидая просьб. Если считала, что помощь нужна. А то ведь могла и бросить в мутные воды ректората, с исследовательским интересом наблюдая, выплывешь или нет.

Я действительно не знаю одного слова, чтобы вместить моё отношение к ней; уж больно много в ней было обертонов...

Но доминанту своих чувств определить могу. Это – благодарность» [1].

...ОБ АРНОЛЬДЕ НАУМОВИЧЕ СОХОРЕ

Научный руководитель моей первой диссертации, ленинградский профессор А. Н. Сохор был специалистом экстра-класса. Он был светилом.

Докторскую он защитил уже в 40 лет (это у математиков бывают скороспелые доктора, гуманитарии созревают куда позже). Разработал и вёл в Ленинградской консерватории новый курс теории и практики музыкальной критики. В Научно-исследовательском отделе Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, хорошо знакомого нам как просто ЛГИТМиК, организовал и возглавил сектор по непривычной тогда проблематике – «социология искусства» (это в середине семидесятых!). Притом не оставил работы в секторе музыки, в котором и начинал.

У него было одновременно до десятка аспирантов и соискателей, я в том числе.

Приведу ещё один фрагмент из более ранних мемуарных заметок: «После приёмных экзаменов в аспирантуру Арнольд Наумович поздравил меня чуть ли не последним. Он не забыл, он сказал сразу: сначала приказ о зачислении, потом поздравления; нечего дразнить судьбу. Зато узнал я о приказе от него же – и раньше других; Арнольд Наумович ещё до официального появления документа без зазрения совести переворочил бумаги на рабочем столе начальника нашего Научно-исследовательского отдела.

Поздравив меня, наконец, и поморгав глазами на мою щенячью радость, он пригласил проводить его по тёплому в ту пору Ленинграду.

Я был горд собой и эйфоричен. Арнольд Наумович поглядывал на меня с усмешкой и негромким голосом втолковывал будущему покорителю высот:

– О-ох, Женя, Женя! Сейчас, до реальной работы над диссертацией, Вы убеждены, что знаете по Вашей теме всё.

Я с готовностью покивал головой.

– Примерно через год Вы поймёте, что не знаете ровным счётом ничего. И Вы придёте в отчаянье.

Из вежливости я не стал возражать.

– Ещё через пару-тройку лет у Вас в голове начнёт что-то брезжить. Что-то весьма туманное. В этот момент Вы защититесь.

Всё остальное, Женя, – и не делайте скептической мины! – остальное последует на протяжении Вашей жизни.

Излишне говорить, что его прогноз оправдался.

Но ко дню моей защиты, к 25 апреля 1978 года, Арнольда Наумовича уже не было в живых...

На самой защите, когда главное уже кончилось и мне предоставили заключительное слово перед голосованием, я сказал, что если меня ждёт поражение, это лишь мой удел. Но если победа, то общая, с Арнольдом Наумовичем.

Автореферат диссертации и стенограмму защиты я отнёс на его могилу, вместе с цветами» [1].

Чего у него не было, так свободного времени. Для занятий его приходилось отлавливать, как диверсанта, между двумя вылетами на международные конференции. В таких случаях я пел про него русскую народную песню «Высоко Сохор летает».

Но одна сторона жизненного опыта была у него атрофирована начисто. У него было не очень с чувством юмора. Он это сознавал, принимал трезво, но втайне, по-моему, всё-таки жалел.

И вот однажды ему удалась, случайно, вполне приличная острота.

В те годы нас всех часто «вступали» в разные общества, ассоциации и фонды. Назывались они добровольными, но «вступали» нас принудительно. Взносы были маленькими, никто не спорил, просто расписывался в очередной ведомости и получал очередной членский билет. У меня этих билетов скопилось тогда десятка два.

Вот Арнольд Наумович только-только вошёл в здание и направился к раздевалке. Я уже занял пост на нижней ступеньке лестницы, зная, что его сейчас станут отлавливать и перехватывать. Уж лучше я первый.

Но в тот раз первым оказался не я. Опередил меня очередной принимающий. Арнольд Наумович без колебаний вступил, машинально взглянул на билет. И с явным недоумением сказал:

– Автомобиля у меня всё ещё нет, – а членский билет автомобильного общества уже есть!

Вручавший, он-то Сохора знал, сначала разинул рот, а потом от неожиданности хохотнул.

Арнольд Наумович, сосредоточившийся было на другом (он вообще не умел терять времени), удивлённо поднял взгляд.

И – понял: судьба посылает ему шанс.

Он повторил остроту гардеробщице. Потом мне. Приходящим к утреннему заседанию коллегам. Зашёл в библиотеку. В канцелярию. Даже в хозяйственную часть.

Все реагировали соответственно. Успех нарастал.

И я бегом помчался на второй этаж, в наш сектор музыки, в большую комнату с видом на боковой фасад Исаакиевского собора. Предупредил всех, кто был, что сейчас придёт Сохор и будет остричь. Неправдоподобную весть никто не принял всерьёз – сочли очередной моей выходкой.

Тут и появился Арнольд Наумович со словами:

– А знаете, автомобиля у меня ещё нет...

Хохот стоял гомерический, сбегались соседи. В том числе аристократы из киносектора, ко-

торые имён-то, кроме Антониони и Бергмана, вообще знать не желали.

А. Н. Сохор стоял в центре и сиял. Он впервые в жизни познал вкус и такой славы.

Я чувствовал себя изменником и искал повод загладить свой грех. Решено было показать ему ещё одну, незнакомую для него, грань жизни. Я уговорил его поехать со мной на футбол. Далеко не сразу – но уговорил.

По дороге он долго брюзжал, пеняя мне на несерьёзность. Однако там, на трибуне, постепенно увлёкся. Поддался общему настроению.

Он вскакивал, кричал и вздымал руки. В момент особенно острый он даже стал тыкать пальцем в соседа снизу. И тот принял это вполне естественно – а как иначе!.. Здесь футбол, здесь все братья.

Лишь на обратном пути, втиснувшись в переполненный трамвай (автомобиля-то у него ещё не было!), он голосом, охрипшим после стадиона, спросил, причём с явным недоумением:

– Женя, объясните, пожалуйста, – а чего мы там все прыгали?!

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевляков Е. Мои учителя. URL: <http://www.rostcons.ru/shevliakov.html>.

REFERENCES

1. *Shevlyakov E. Moi uchitelya [My Mentors].* URL: <http://www.rostcons.ru/shevliakov.html>.

ЧТО ВСПОМИНАЕТСЯ...
(Л. Я. ХИНЧИН, А. Н. СОХОР)

В мемуарном очерке воссоздается многогранный облик Л. Я. Хинчин и А. Н. Сохора – выдающихся учёных, педагогов, организаторов науки и музыкального образования. Характеризуются их подходы к формированию научно-педагогических кадров, индивидуальные

особенности профессионального и личного общения с коллегами.

Ключевые слова: Л. Я. Хинчин, А. Н. Сохор, музыковедение, методика профессионального образования, научно-исследовательская деятельность.

WHAT DO YOU REMEMBER...
(L. KHINCHIN, A. SOCHOR)

In the memoir essay the many-sided images of L. Khinchin, A. Sochor – prominent scholars, pedagogues, organizers of art studies and music education – are reconstructed. Their approaches to the formation of the research and pedagogical person-

nel, individual features of professional and private communication with colleagues are characterized.

Key words: L. Khinchin, A. Sochor, musicology, methodic of professional education, research activities.

Шевляков Евгений Георгиевич

доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки
e-mail: riocons@mail.ru

Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова
Российская Федерация, 344002, Ростов-на-Дону

